

Видеть красоту это дар Божий (из жизни)

Описание

Прекрасное всех к себе зовет, отчего и называется красотой.

Дионисий Ареопагит

Сначала Бог создал мир как бы из необработанных элементов, а потом занялся украшением их. Ибо и свет Бог не сразу наполнил блеском солнца, и тьму не тотчас умерил приятным лунным светом, и небо не сразу обозначил созвездиями и планетами.

Тертуллиан.

Первое свидание это всегда не просто. Нервы на пределе и от них хочется бежать куда подальше, и мы бежим; Вдоль широких проспектов, мимо стеклянных витрин. Мы пересекаем старый двор, с уютным, но пустым сквером, из него выскакиваем недалеко от Летнего сада. Потом долго идем по набережной. Разговор не складывается. Мы что-то говорим невпопад, смотрим с любопытством, но не смело. У меня горят щеки от мартовского ветра, и хочется чаю. Светофор пропускает нас на мост и там запирает. Между нами повисает пауза, только вместо тишины шум автомобильной пробки. Я поднимаю голову.

На небе тяжелые, бело-серые облака. Они похожи на неровно растрепанную вату. И вдруг они разъезжаются, и я вижу синее небо – чистое, высокое, звенящее. Оно искрится и таит в себе одновременно серебро уходящего холода и золото

грядущего тепла. Я узнаю в нем тайну и обещание, и радость наполняет меня. В этой бесконечной чистоте я вижу вечность и чувствую ее присутствие. Единственное слово способное выразить мое вдохновение вырывается само:

— Красота!

— Ты чего? – спрашивает парень.

— Какое небо сегодня! – выдыхаю я.

Он смотрит вверх, внимательно и молча, затем пожимает плечами:

— Какое?

Я пускаюсь в объяснение того, что вижу. Он говорит:

— А я ничего такого не вижу. Нет там ни каких красок, ни тем более звона – небо и небо.

— Ты что не любишь небо? – тревожно, спрашиваю я.

Светофор загорается зеленым, и мы идем дальше. Вместо ответа он предлагает:

— Хочешь чаю?

— Да, — отвечаю я, и мы заходим в кофейню.

Запах ванили и корицы сразу согревает меня. Я с недоумением смотрю на яркие пирожные, они кажутся пластмассовыми. Мы проходим вглубь и садимся за столик. Из окна виден мост, где мы только что говорили о небе. Я молчу, но он продолжает сам.

— Что такое красота? – хитро спрашивает он.

Я пожимаю плечами. Он доволен. Поучительно поднимает палец вверх и говорит, будто учитель со стажем:

— Мир, не изуродованный грехом, содержит в себе все самое лучшее. Он наполнен гармонией, чистотой, безупречной формой и цветом. Он дышит жизнью и свободен от смерти – это и есть красота. И я думаю, что видеть красоту это дар Божий.

Я глупо хлопаю глазами и удивленно спрашиваю:

— Ты что веришь в Бога?

— А чего же не верить? – в ответ удивляется он. – Ты сама посуди, как все умно придумано, по любому Бог.

— По любому, — соглашаюсь я. Его сложные слова о красоте еще трепещут во мне, но уже ускользают.

К нам подходит официант. Мы пару минут обсуждаем наши возможности, потом делаем заказ.

— У меня этого дара нет, — говорит парень, как только официант оставляет нас. — Но я давно привык и на Бога не в обиде, видно оно мне и не надо. Да и потом дары Его это всегда не просто. За ними по любому напруги.

— В смысле? – бормочу я, растерянная от такого поворота беседы на первом свидании.

Он усмехается, смотрит на меня сочувственно, будто прикидывает, есть ли у меня интеллект. Видно решив, что нет, тяжело вздыхает:

— Ты книги то читаешь? – без особой надежды спрашивает он и, не дождавшись ответа, продолжает: — Все ведь не просто так. Все дается с промыслом. Вот ты часто красотой окружена?

Я задумываюсь. Он не терпеливо продолжает:

— Да, по любому нет! Подарок ведь тогда дорогой и радостный, когда редкий и неожиданный! Ты сама-то в Бога веришь?

Я говорю:

— Верю.

— Давно и честно? – строго спрашивает он.

— Сложно и с перерывами, — честно признаюсь я.

Он разочарованно машет на меня рукой и откидывается на спинку стула:

— Глупая ты, — говорит он. – Тебя еще долго воспитывать надо.

Мы молча едим. Мое пирожное называется клубничным, но на вкус, как жвачка. Странно. Я неохотно доедаю его. В голове прокручиваю фразы-отмазки, чтобы сбежать. Да, первое свидание это всегда не просто.

По дороге домой размышляю о бездарно проведенных днях, в жизни человека. Под человеком имею в виду себя. Сержусь. И зачем только я согласилась на это свидание? Глупо и бессмысленно. Все. Забыла.

Забыла да не забыла. Время побежало вперед. Несколько лет я старалась обмануть его, но это совсем другая история. А эта история продолжилась неожиданно, спустя три с половиной года.

Приехала ко мне подруга из Хабаровска. Девушка глубоко верующая и давно воцерковленная. Пока мы обсуждали планы поездок по святым местам, благо в Питере и под ним их много, она показывала мне бесконечную череду фотографий. Показывала их с большой любовью и трепетом, но в то же время с грустью. Признаться, я их почти не смотрела, потому что находилась в глубоком потрясении от прочтения завещания от Серафима Вырицкого «От Меня это было». Пока я судорожно пыталась осознать всю свою жизнь, с позиции нового видения, наметилась поездка в Покрово-Тервенический монастырь. Одновременно раздался звонок, и моя давняя приятельница с горьким причитанием принялась жаловаться. Оказалось, что ее молодой человек уже год обещает сходить на исповедь, но каждый раз обманывает, придумывая отговорки. Кроме этого, начал ремонт в квартире и на стадии – все разрушено, но не построено, бросил. Жить теперь невозможно, а он грустит и ничего не делает. Мне показалось это удивительным и странным и любопытным, и я вызвалась поговорить с ним.

Пока подруга из Хабаровска самостоятельно поехала в монастырь Иоанна Кронштадского, что на Петроградке, поклониться нетленным мощам святого, а я направилась в спальный район, в разрушенную квартиру.

То, что я увидела, поразило мое воображение. В крохотной квартирке все было завалено. В мрачном свете от лампочки под потолком виднелся выломанный дверной проем. Прямо готовая сцена арт-хауса. Молодой человек пригласил меня выпить чаю, и я присела в темном углу, за покосившийся столик. Он сел напротив.

— Катя придет? – грустно спросил он.

— Нет, — ответила я. – Смотрю ты ремонт начал?

— Да ну, — отмахнулся он.

— А что так?

— Достало.

Разговор зашел в тупик, и я покрутила головой в поисках новой темы.

— Прямо так сурово дверь выломал, — с улыбкой заметила я.

— Хотел арку делать, — ответил он и тоже улыбнулся.

— Хотел? Перехотел что ли?

Он не ответил. Принялся мешать чай. Голову опустил низко, словно размышляя о чем-то тяжелом.

— Я много чего хотел, — после продолжительной паузы, сказал он. – Только достала она меня. Замучила.

— Из-за исповеди? – сделала я предположение.

К моему удивлению, он покачал головой:

— Нет, не это?

Рискуя показаться навязчивой и не в меру любопытной, я все же спросила:

— А что тогда?

Он взглянул на меня недоверчиво, а потом тяжело вздохнул:

— Я хотел красиво сделать, — проговорил он. — Вот здесь арку, там лепнину, пол хороший..., ламинат. Все придумал..., я ведь в архитектурном учился. А она все пилила и пилила: то не так и это не эдак.

Я растерялась. Выходило, что моя приятельница сама виновата — загнала своего парня, у него руки и опустились. Здесь мне больше нечего было выяснять. Я решила поднять последнюю тему.

— Катя говорила ты на исповедь не идешь, — просто сказала я, морально готовая к посылу куда подальше. Вместо этого он пробормотал:

— А что мне Бог то? — и опустил голову.

— Как что? — Такое заявление меня обескуражило. — Бог наш творец. Он тебя создал.

— Меня папа с мамой создали, а от Бога я так далек, что если и есть он, то мне с ним не пересечься.

— Все это не правильно, — пролепетала я и растерянно замолчала.

А что сказать? Я его хорошо понимала. Я и сама много лет была на его стороне и тоже так думала. Только потом все изменилось.

— Я устал от этого уродства! — заявил он с досадой в голосе и осмотрелся. Его взгляд скользнул по темной комнате, затем устремился в окно, там пал на горизонт и растаял.

Я выглянула на улицу. С высоты восьмого этажа виднелся шумный проспект, забитый машинами, отгороженные стройки, серые от дождя девятиэтажки. А за ними зеркальные фасады высоток и сумерки, и туман.

— Для тебя так важна красота? – спросила я и вдруг отчетливо вспомнила то свидание. Сердце мое забилося быстро и отчего то стало радостно. Я сказала: —Вот ты говоришь, что Господь далеко, а знаешь ли ты, что видеть красоту это дарБожий.

Он недоверчиво взглянул на меня и мрачно заметил:

— Ничего себе дар. Попробуй еще его удовлетворить.

Я рассмеялась. То свидание вдруг перестало быть бессмысленным.

— Вот именно, что дар! – сказала я. – А что такое дар? Дар – это же подарок. А подарок тогда радостный, когда редкий и неожиданный!

— Я не понимаю этого, — произнес он. – Какой же это дар, если я от него страдаю. – Он посмотрел на меня обиженно.

— Ты бы предпочел не видеть красоту?

На мгновение он задумался, но потом отрицательно покачал головой:

— Я без нее не смогу.

Я понимающе кивнула.

— Но можно, все таки, как то почаще дарить этот подарок? — посетовал он.

Я закатила глаза. Эх, знал бы он, сколько долгих ночей я провела, сокрушаясь именно из-за этого. Как я мучалась, ища ответ. И как радовалась, найдя его. Теперь вот должна просто ответить, подарить, так сказать, интеллектуальную собственность. Вот если бы не верила в Господа нашего, ни за что не ответила бы, а так сказала:

— А ты не жди. Ведь говорят же: «на Бога надейся, а сам не плошай!» Ты сам ищи красоту. А если не можешь найти, тогда создай.

Он всплеснул руками:

— Так вот я и хотел!

— Ну, так и давай! ...

Я вернулась домой в странном состоянии. Вроде и разговор получился хороший, и то свидание оказалось со смыслом, но все же не было у меня чувства завершенности, словно что-то еще не сказано. Ночью я ворочалась с боку на бок, все размышляя о художниках, музыкантах, поэтах, писателях. Обо всех тех, кто наделен даром от Бога: слышать, видеть, чувствовать красоту. И о том, как они отказываются от него, как они отступают под натиском греховного мрака. Мне было грустно и тревожно за них..., и за нас. А на утро меня загрузили в машину и повезли в монастырь.

В Питере стоял туман и плюс десять градусов. Я оделась тепло, понимая, что за городом всегда холоднее. Но холоднее оказалось на восемнадцать градусов! Мы приехали в зиму.

Я вышла из машины и поежилась. Вдалеке виднелись белые, каменные стены монастыря. Воздух морозный. Небо такой пронзительной синевы, что больно смотреть на него. Только легкие мазки белых облаков. Вспомнились строки Есенина: «...Только синь сосет глаза». Моя подруга проверяла фотоаппарат и рассказывала о разнице в морозе между Хабаровском и Питером. Мы пошли вперед.

Снег скрипел под ногами. Тонкие подошвы моих сапог ощущались, как бумажные. Куртка, словно невесомая кофта, едва спасала. Нос и щеки заледенели. Мы шли в горку, приближаясь к воротам монастыря. И вот мы вошли. Я сделала еще шаг и остановилась. Меня вдруг пронзило и все внутри меня совпало; Эта белизна, чистота, купола, словно их окунули в синеву неба. Это торжество и молчание, и нетленность... Я подумала, что это могло бы быть входом в Царство Небесное, и тут же поняла, что Царство еще прекраснее. И вспомнились мне слова: «... Огонь и пурпур, золото и лазурь пророчески говорят о неизреченной красоте Твоих селений, торжественно зовут: пойдем к Отцу!» Это из Акафиста благодарственного, который называется: «Слава Богу за все». От счастья я заплакала. Но на морозе особо не наплачешься. Все сразу замерзло. Я посмотрела на подругу:

— Это надо сфотографировать, — просто сказала я ей.

Она пожала плечами:

— Знаешь, сколько у меня таких фотографий.

Тут я вспомнила, что она действительно показывала мне их. Но тогда я не смотрела.

— И такая тоже есть? – спросила я, обведя рукой вид.

Она помотала головой и стала выбирать место для съемки.

Потом мы гуляли по монастырю, позабыв о холоде. Пили воду из святого источника, там, где явилась Пресвятая Богородица, а монахиня заварила нам вкусный чай на травах.

Когда мы вернулись в машину, я уже знала, что не давало мне спать накануне. Я сказала своей подруге:

— Нужно найти способ твои фотографии показать людям.

— Да? – слегка удивилась она. – А я не уверена, что это нужно кому-то.

— Нужно, — убежденно ответила я. – Мир, не изуродованный грехом, содержит в себе все самое лучшее. Он наполнен гармонией, чистотой, безупречной формой и цветом. Это мы называем красотой. Видеть ее это дар Божий, а показывать другим человеческий долг. Подруга улыбнулась мне и согласно кивнула и сразу погрузилась в свой фотоаппарат. А я с сожалением смотрела, как удаляется этот чудесный монастырь, и думала обо всех тех, кто призван Господом видеть, чувствовать, понимать красоту. Думала и не могла не задаться вопросом: Исполняем ли мы долг свой? Приумножаем ли Дар Божий?

Категория

1. Рассказы

Дата Создания

12.10.2024

Автор

u239073